

ОКНА ОВЕРТОНА В ЕРЕТИКЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ИНСИНУАЦИЙ САКРАЛЬНОГО

Костенич Владимир Анатольевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье обсуждаются постмодернистские ревизии ортодоксальной монотеистики в контексте культурологической деконструкции «образа Бога» и неоязыческих инсталляций сакрального. Предпринята мировоззренческая попытка осмыслить визуальные и аксиологические горизонты подобных масштабируемых информационных вбросов.

Одной из исторически обусловленных проекций *теистического дискурса* является *презумпция аксиоматичности религиозных изначальностей мысли*. Культовые дифирамбы богослужения и соответствующая им семантика герменевтической сервировки зачастую обретают при этом самодовлеющую референтность. Религиозная сакральность кажется, как бы автоматически истинствующей под опекой своей церковной институциональности. Её театрализованные мифологемы догматики обитают в панцире схоластической отрефлексированности, (у)словно увековечивающей принципы веры и страхующей «классическую религиозность» от еретических минных полей.

Как известно, постмодернизм радикально трансформирует лого(с)центричную ментальную установку, опирающуюся на нарративы Абсолютного и подвергает её нелицеприятной де(кон)струкции. В область «смертного» отлучаются (абсолютно) все мировоззренческие безусловности бытийного ассортимента (Бог, Истина, инвариантная Идентичность личности, факсимильность этического Авторства, эстетические приоритеты Красоты) [1]. В их ряду оказывается и религиозная формация смыслополагания в своих ракурсах монотеистических персонификаций и священных благоговений.

Однако, постмодернистская всеядность избегает непосредственного штурма религиозного сознания, по умолчанию помещая его в серую зону литургической артикуляции. «Бог умер», а само «божественное» отныне пребывает в кавычках и скобках «относительного». Релятивизация сакральных инстанций призвана не только «усмирить Сверхъестественное», но и вирусно узаконить отдельные «мирские» субституты в качестве «новых идолатрий сознания».

В этой связи, в постмодернистски ангажированном взгляде на антропологические экзистенциалы, имманентно вызревают своеобразные *фокусы (умо) зрения*, посредством которых *софистически* истолкованная диалектика количественных изменений и качественных трансформаций подыскивает для себя формы и способы «синергетических бифуркаций» религиозной ортодоксии мировых символов веры. А «троянским конём» для подобных интеллектуальных диверсий выступает *эстетика комиксного микширования знаковых (иконописных) сюжетов религиозной традиции*.

Возникают индустрия блогосферных интернет-презентаций, симулякры религиозного проповедничества, спекулирующие на субкультурных проекциях че-

ловческого взгляда, канализируемого в область «свежих» визуализаций историсофского сакральных событий. Религиозная традиция подвергается «нано-наслоениям» сервильно заgrimированной обструкции, призванной на тактическом уровне поп-культуры стратегически подорвать и развоплотить «истины веры», придав им гротескный и игровой характер.

Сошлёмся на некоторые примеры.

В конце 2022 года российский священник Павел Островский вынес в публичное пространство мировой сети комиксы «*Евангелие в манге. Рождество Христово*» [2]. Пафос его публикации заключался в том, чтобы образно реконструировать отдельные сюжеты евангелической эпопеи на языке массовой культуры для невоцерковленных молодых людей, нуждающихся в религиозной предрасположенности. В этой связи, им был избран жанр японских комиксов «манга», воплощённых в мультяшной стилистике «аниме».

Между тем, внимательное чтение этого «дидактического перформанса» подвергает в недоумение от той бесцеремонной саркастичности, с которой автор живописует библейские фрагменты встречи Девы Марии с ангелом, принесшим ей известие о её бытийной миссии и таинство зачатия Богочеловека в его темпоральной ретроспективе и рождественском торжестве. Перед нами развёртываются плотоядные мизансцены завуалированного адюльтера, ворчливого злословия обманутого Иосифа и натуралистические междометия хриплых потуг рождающего естества, как бы подсмотренные в замочную скважину фрейдовского окуляра. Налицо *казуистика «шизоидного ацентризма»*, эклектика аксиологических парадигм, глобалистская толерантность к человеческим перверсиям и подиумная озабоченность модничающей видимостью.

Мы солидарны с коллективным мнением ряда российских философов справедливо подчеркивающих, что «Поставление библейских событий на одну полку с манга-историями низводит эти события с уровня священного до уровня анекдотического, забавно-примитивного, шаловливо-приключенческого, а значит, в конечном итоге, бессодержательного, пустого, мирского... Перед нами, фактически, разворачивается технология «окна Овертона»: сначала смотрящий испытывает шок, видя образы Евангелия в манге (*немыслимо*), затем у многих создаётся впечатление, что здесь нечто новое, неожиданное, но при этом интересное (*примемлемо*), далее находятся апологеты, заявляющие, что это даже здорово – открыть неверующим подросткам Евангелие таким образом (*разумно*)... А идет всё к тому, чтобы десакрализованное Евангелие воспринималось стандартно. И впоследствии такое восприятие может стать действующей нормой» [3].

Скабрёзное ёрничанье с пересказом евангельских обмираний духа в версии манга, выступает (всего) лишь клиповым эпизодом в постмодернистском тренде на «новую нормальность» в области религиозных откровений «трансгуманистического» блудоумия.

Технократическая снобистика «клонирования человеческих гибридов и химер» исходит при этом из того, что сам человек, пусть и ментально «убивший Бога», свершает тем самым второй акт «марлезонского балета» и перенимает у Творца его кенотипическую жертвенность, свое-вольно обожествляя собственные технические «всемогущества», обретающие статус пососторонних пантеистических релокаций.

В поисках острых ощущений для «покушения на миражи» логоцентричных святынь, человеческое лукавство не только самоубийственно допускает чипизацию и киборгизацию личной телесности, но и намечает траектории подмены духовных состояний нашей культурно-исторической аутентичности «виртуальными суррогатами веры».

В частности, в Интернете промелькнула информация о том, что в Германии состоялось первое (пробное) «богослужение», подготовленное и срежиссированное искусственным интеллектом. Местный служитель культа с помощью нейросети ChatGPT создал аватары несуществующих людей и «перепоручил» им организовать и провести церковную соборность проповеди и коллективной молитвы. Бог парадоксально «воскрес» в облике (облаке) *постчеловеческой плюра(без)лицности*, аннулирующей своей игриво-игровой «Оно-сущностью» последние бастионы экзистенциальной субъектности и осязаемой близости между «Я и Ты».

Вспомним (однако) М. Бубера: «Мир как опыт принадлежит основному слову Я – Оно. Основное слово Я – Ты создает мир отношений... Отношения к Ты ничем не опосредовано... Основное слово Я – Ты может быть сказано только всем существом... Цель отношения есть его собственная сущность, то есть прикосновение... Бога не найти оставаясь в мире, Бога не найти, удалившись от мира... И все же мы, в соответствии с нашей сущностью, постоянно превращаем вечное ТЫ в Оно, в Нечто, делаем Бога вещью» [4, с. 18, 21, 16, 51, 60, 80]. Виртуальные кентавры религиозных имитаций трансформируют феномен вероисповедания в «клуб анонимных алкоголиков», разыгрывающих подобия исповеди в толкучке джазовых импровизаций. Священнодействие сворачивается в цирковое представление с фантомными сущностями.

На этом мировоззренческом фоне особенно показательны новые «сатанинские веяния» в таком жанре религиозной оптики бытия, как *иконопись*. По канону Икона есть «...теургический акт, в котором свидетельствуется в образах мира откровение сверхмирного, в образах плоти жизнь духовная. В ней Бог открывает себя в творчестве человека...» [5, с. 286].

А в это время, в процессе специальной военной операции, разворачивающейся ныне на Украине, начали глумливо тиражироваться «*иконы священного Джавелина*» (и иже с ними), наделяющие сакральным смыслом всё то, что несет в себе смерть, разрушение, кровавую вакханалию аннигиляции даже эха человеческой вменяемости и милосердия. Ликов больше нет! Внечеловечное и бесчеловечное торжественно вламываются в духовные ипостаси душевной чуткости и, как библейские фарисеи, пытаются узурпировать свои «ветхие смыслы» в качестве канонических ораторий «новой религиозности».

Итак, вместо смиренной аскетики и духовной интенции вселенских глаз, жертвенной радости душевного соучастия, храмовой конституции личностной органики; пути чванливой плоти, китч высокомерного фетишизма технологов (у) ничтожения и националистической сладострастной патетики, анонимность безлюдного ландшафта.

Человечество вновь на развилке. Между очередным переизданием неоязыческого идолопоклонничества, обретшего постмодернистскую лексику «всё позволено...» и обрекающего нас на добровольную капитуляцию перед юнговскими «теньями отказа от Самости».

Литература

1. Хаустов, Д. С. Лекции по философии постмодерна / Д. С. Хаустов. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 288 с.
2. Евангелие в манге. Рождество Христово. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravomanga.ru/manga/>. - Дата доступа: 11.09.2023.
3. Чавк-чавк, или «Евангелие в манге». О комиксах о Павла Островского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2022/11/03/chavkchavk_ili_evangelie_v_mange_. – Дата доступа: 11.09.2023.
4. Бубер, М. Два образа веры: Пер. с нем. / Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. / Мартин Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
5. Булгаков, С. Икона, ее содержание и границы / Сергей Булгаков // Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. – М. : Прогресс, 1993. – 400 с.